

Е. Ю. Гениева

Хорхе Борхес – великий библиотекарь?

Лекция посвящена писателю Хорхе Луису Борхесу, его работе в качестве библиотекаря. Приведены его мысли о Библиотеке и Книге, о значении устного Слова. Поставлен вопрос о месте Библиотеки и сущности профессии библиотекаря в современном мире.

Ключевые слова: Хорхе Луис Борхес, библиотека, книга, устное слово, библиотекарь, интернет.

Ekaterina Genieva

A Great Librarian – Jorge Luis Borges?

The lecturer speculates on the writer Jorge Luis Borges and his work as a librarian. Borges' vision of Libraries and Books, and spoken word is presented. The author also raises a point of libraries place and the profession of librarian nature in the modern world. The lecture was first published in Issue 1, 2005.

Keywords: Jorge Luis Borges, library, book, spoken word, librarian, Internet.

Почему темой нашей лекции является Хорхе Луис Борхес?

Место проведения очередной генеральной конференции ИФЛА (2004 г.) – столица Аргентины. Эта страна, знаменитая многими культурными достижениями, особенно гордится тем, что подарила миру одного из величайших писателей XX века, стоящего в ряду таких классиков, как Кортасар, Джойс, Кафка, Пруст. Для нас же Борхес интересен ещё и тем, что он является едва ли не самой значимой среди тех фигур, кого называют *великими библиотекарями*.

Библиотечная профессия богата именами писателей, учёных, выдающихся политических деятелей, судьба которых была тесно связана с библиотечными учреждениями.

Вероятно, существуют особые моменты, стадии в развитии библиотек (и эти стадии повторяются в каждую эпоху), когда внутреннее развитие

этих учреждений требует поддержки и внимания мощных фигур, тесно связанных со *Словом* и *Книгой*.

В Германии этот список открывают философ *Г. В. Лейбниц* (библиотекарь и историограф Придворной библиотеки в Ганновере и – параллельно – руководитель Придворной библиотеки в Вольфенбюттеле); драматург и эстетик *Г. Э. Лессинг*; исследователь культуры античности *И. И. Винкельман* (библиотекарь одной из Саксонских частных библиотек, работавший также в Библиотеке Ватикана). Польша гордится тем, что библиотекарем был знаменитый математик *Адам Коханьский*.

Наиболее известные библиотекари России – русский историк, палеограф, художник *А. Н. Оленин*, директор Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге; баснописец *И. А. Крылов*, на протяжении 29 лет заведовавший русским отделением Публичной библиотеки; гениальный русский математик *Н. М. Лобачевский*, который с 1826 по 1837 г. был ректором и одновременно библиотекарем Библиотеки Казанского университета. Помощником директора Публичной библиотеки был русский писатель *В. Ф. Одоевский*.

Связи библиотек и *великих библиотекарей* часто мифологизируются. И происходит это тогда, когда по-разному понимаются цели и роль библиотечной профессии.

И вправду, был ли так уж велик на поприще библиографического описания *И. А. Крылов*, отличавшийся великой ленью, вошедшей в легенды, и появившийся в библиотеке, скорее, по прихоти, нежели по долгу службы. Можно ли назвать настоящим библиотекарем *А. Н. Оленина*, руководившего учреждением едва ли не в виртуальном режиме, поскольку призвание царедворца требовало его постоянного присутствия в совсем иных местах? Позднее его немало упрекали и за то, что при нём Императорская Публичная библиотека превратилась в своего рода «меценатский приют литераторов», в результате чего некоторые сотрудники не занимались выполнением чисто библиотечных обязанностей.

Всё дело в том, что великие люди имеют к библиотекам отношение, которое уместно было бы назвать *опосредованным*, что отнюдь не умаляет их значения, однако переводит проблему в другую плоскость. *И. В. Гёте*, посвятивший немало сил и времени библиотекам, находясь в должности министра герцогства Заксен-Ваймар-Эйзенах, выразил эту мысль предельно афористично: «Активный учёный – плохой библиотекарь, как прилежный художник – плохой инспектор картинной галереи».

Одной из таких проблемных фигур, быть может мифологизированной в наибольшей степени, является и *великий библиотекарь* Борхес.

Всё, что мы знаем о Борхесе и его отношении к библиотекам, можно проследить по двум источникам – сведениям, почерпнутым из биографических источников и из художественных произведений самого писателя.

Биографические сведения таковы. Хорхе Луис Борхес родился в Аргентине в канун XX в. – в 1899 г. В восемь лет он перевёл на испанский сказку Оскара Уайльда, да так, что перевод сразу напечатал один из ведущих литературных журналов.

Юность Борхес провёл в Европе, получив там образование и начав литературную деятельность как поэт. Вернувшись на родину в начале 1920-х гг., он стал родоначальником авангардного течения в аргентинской литературе, вокруг которого сплотились молодые друзья и соратники.

Борхес подвергался преследованию со стороны властей, к которым находился в оппозиции. На родине был признан лишь тогда, когда европейские литераторы перевели его на многие языки и превратили в культовую фигуру XX века.

Его родной язык – испанский, но в семье говорили и на английском; кроме того, Борхес прекрасно знал латынь, французский, итальянский, португальский, немецкий; самостоятельно изучил и преподавал древнеанглийский и древнескандинавские языки. Он – профессор английской и американской литературы; доктор Сорбонны, Оксфордского и Колумбийского университетов; знаток буддизма, каббалы, поэзии скальдов.

За всю жизнь Борхес не написал ни одного романа – он известен как поэт и автор рассказов, литературных эссе, вымышленных биографий и фантазмагорических притч. Удостоен высших литературных наград мира, однако Шведская Академия отказала ему в присвоении Нобелевской премии. (Заметим, что такова же была участь и английского писателя Грэма Грина. Среди похожих российских персонажей – великий филолог-византист С. С. Аверинцев (10.12.1937 – 21.02.2004), не удостоившийся звания действительного академика и недавно отошедший в мир иной простым членом-корреспондентом РАН.)

На протяжении 27 лет (более трети жизни) Борхес был библиотекарем. Сам он так описывает этот период своей жизни:

«...Около 1937 г. я впервые поступил на постоянную службу. До того времени я выполнял небольшие литературные работы... Все эти работы оплачивались скудно, а я уже давно перешагнул тот возраст, когда следовало начать вносить свою лепту в домашний бюджет. С помощью друзей меня устроили на весьма скромную должность первого помощника в филиале городской библиотеки Мигеля Кане, далеко от дома, в унылой, однообразной

юго-западной части города... Работали мы в библиотеке очень мало. Нас было человек пятьдесят, и выполняли мы работу, с которой легко справились бы пятнадцать. ... Сотрудники-мужчины интересовались только конными скачками, футбольными соревнованиями да сальными историями. ...

... Всю свою библиотечную работу я выполнял в первый же час, а затем тихонько уходил в подвальное книгохранилище и оставшиеся пять часов читал или писал ... Ирония ситуации состояла в том, что в ту пору я был довольно широко известен как писатель, но не в библиотеке. Вспоминаю, как один из сотрудников заметил в энциклопедии имя некоего Хорхе Луиса Борхеса – его очень удивил факт совпадения наших имён и дат рождения. ...

... В библиотеке я прослужил около девяти лет. То были девять глубоко несчастливых лет... Мой кафианский рассказ «Вавилонская библиотека» был задуман как кошмарный вариант, чудовищное увеличение нашей муниципальной библиотеки, и определённые детали в тексте имеют отнюдь не символическое значение...».

Правда и то, что, когда в Аргентине произошла долгожданная революция, Борхес был назначен на весьма престижную должность директора Национальной библиотеки. Однако случилось это как раз тогда, когда он почти полностью ослеп. Последние 20 лет жизни Борхес не мог ни читать, ни писать – и в том, и в другом ему помогали студенты, друзья и близкие.

В 1974 г. – во время реставрации власти президента Перона – он был лишён всех занимаемых должностей.

Скончался Борхес в возрасте 87 лет от рака печени. Похоронен не на родине, а в Женеве... Вот такая биография...

Если же мы обратимся к другому источнику – художественному творчеству Борхеса, то найдём в нём темы, непосредственно и очень тесно связанные с нашей проблемой. Это темы *Судьбы слепого поэта, Книги и Библиотеки*.

В этом зале, несомненно, присутствуют специалисты, работающие в библиотеках для лиц с ограниченными физическими возможностями. Им, как мне кажется, особенно близки будут мысли Борхеса о *Слепоте*.

«Я всегда воображал Рай чем-то наподобие библиотеки, как некоторым он представляется садом или дворцом. И вот я оказался в нём, – пишет Борхес о том моменте, когда был назначен директором. – Здесь были собраны 900 томов на разных языках. Я убедился, что едва разбираю надписи на корешках. Тогда я написал стихотворение, которое начинается так:

*Упреки и слезой не опорочу
Тот высший смысл и тот сарказм глубокий,
С каким неподражаемые боги
Доверили мне книги вместе с ночью.*

Эти дары взаимоисключают друг друга: множество книг и ночь, невозможно читать их».

Принято считать, что слепой погружён во мрак, и это – непоправимое и неизбывное несчастье. Борхес пытается опровергнуть такое мнение: «...когда что-то подходит к концу, следует помнить, что начинается что-то новое». И он принимает решение: «Я сказал себе: утрачен дорогой мир видимого; я должен сотворить иной мир вместо зримого, навсегда утерянно-го». Он стал *на слух* изучать древние языки, открывшие ему целый мир скандинавской и англосаксонской литературы. Он стал писать стихи, диктуя строчку за строчкой.

Он открыл для себя силу живого, звучащего, воспринимаемого на звук *Слова*, утраченную традицию устной литературы.

Эффект неперменного устного бытования даже написанного слова был широко распространён в Средние века в монастырских библиотеках Европы (в том числе и в России), где чтение вслух было единственно возможным способом чтения и регламентировано уставом (читать «про себя» научились гораздо позже). Говоря словами Писания: «Буква убивает, а лишь дух животворит».

В знаменитой книге американского культуролога Маршалла Маклюэна «Понимание Медиа» (*Understanding Media*) есть такие строки: «Устное слово драматически захватывает все человеческие чувства ... В речи мы склонны реагировать на каждую возникающую ситуацию ... Письмо же стремится быть своего рода обособленным ... Письменное общество развивает в себе ужасающую способность вести себя во всех делах с поражающей отстранённостью от тех чувств и того эмоционального вовлечения, которое испытывали бы неграмотный человек и бесписьменное общество». (Мы легко согласимся с этим, если вспомним, что ежегодно собираемся здесь, в Крыму, не затем, чтобы почитать написанные доклады, а затем, чтобы послушать живые устные выступления, поучаствовать в дискуссиях по поводу мыслей друг друга, да и просто пообщаться, в первую очередь – пообщаться.)

Борхес разделял точку зрения О. Уайльда, согласно которой великий эпический поэт античности Гомер вовсе не был слепым, но был сделан таковым намеренно. «Греки воображали Гомера слепым, чтобы показать, что поэзия должна быть слышимой, а не зримой».

Перечень *великих слепых* не менее внушителен, чем список *великих библиотекарей*. Демокрит из Абдеры «выколол себе глаза, чтобы вид внешнего мира не мешал ему сосредоточиться». Слепым поэтом был Мильтон,

«потерявший зрение над памфлетами, призывавшими к казни короля». Потерял зрение американский писатель Прескотт. Часть своих произведений создал незрячим ирландский писатель Джеймс Джойс. Слепым был композитор Франсиско Салинас, что было не менее символично, чем глухота Бетховена.

Борхес был глубоко убеждён в сокровенном родстве *Литературы* и *Слепоты*, в том, что слепота «должна стать одним из многих удивительных орудий, посланных нам судьбой или случаем». Мастерское использование этого «орудия» подарило миру множество его стихов и прозаических произведений.

Вторая тема у Борхеса, которая имеет к нам непосредственное отношение, – это тема *Книги* и *Библиотеки* как средоточия книг.

Мы уже говорили о различии между *Устным* и *Письменным Словом*, которое проводил Борхес. Исторически эта граница разделяла мир дописменной литературы и литературы книжной. К примеру Античность, хотя и знала письмо, полагала книгу суррогатом устного *Слова*. Известен пример Пифагора, который ничего не писал намеренно, «потому что не хотел связывать себя написанным словом», желая, чтобы его мысли свободно существовали, передаваясь поколениям потомков устами его учеников. Платон сравнивал книги с мёртвыми статуями, «которые кажутся живыми, но не ответят нам, если мы их о чём-то спросим». И Будда, и Христос учили устным словом; лишь однажды Спаситель написал на песке несколько слов, которые тут же исчезли...

И всё же многие и многие мысли и произведения доносит до нас именно *Книга*. Чем она являлась для Борхеса? «Книга – продолжение памяти и воображения», – писал он. При всей простоте эта формула вовсе не тривиальна. Физически книга – это сброшюрованные листы бумаги, испещрённые какими-то знаками, в которых зашифровано какое-то послание. Поэтому первая проблема – уметь прочесть книгу. Чтение – это не просто знание языка, на котором написан текст; необходимо читать, находя наслаждение в написанном. «Когда мы открываем книгу, когда она встречается со своим читателем, происходит явление эстетическое».

Книга, как живое существо, все время меняется в зависимости от того, кто вчитывается в её страницы. Она всегда разная. Даже один и тот же человек не может прочесть одну и ту же книгу одинаково, и потому сам Борхес так любил перечитывать свои любимые книги.

Отрицал он и вторичные исследования – книги о содержании других книг (самый яркий пример этого – столь распространённые в наше время

«краткие изложения» или студенческие рефераты). «Я был профессором английской литературы... Когда студенты спрашивали у меня библиографию, я отвечал: “Библиография не имеет значения; в конце концов Шекспир не подозревал о существовании шекспировской библиографии... Почему не обратиться прямо к текстам? Если эти тексты доставят вам радость, прекрасно; если они вам не нравятся, оставьте их; идея обязательного чтения абсурдна, с таким же успехом можно говорить о принудительном счастье”».

Своё отношение к написанному слову Борхес называл *культом книги* и считал, что этот культ надо всемерно поддерживать; он не верил в то, что когда-нибудь книга может исчезнуть. «Скажут, какая разница между книгой и газетой, книгой и пластинкой? Разница в том, что газету мы читаем, чтобы забыть, пластинку мы слушаем также, чтобы забыть. В них есть что-то механическое и легкомысленное. Книга читается, чтобы её помнить».

И наконец, *Библиотека*. Если каждая книга – это изменчивый мир, хранящий в себе множество разных смыслов и разных прочтений, то хранилище многих книг – это, конечно же, целая Вселенная.

Как любая вселенная, *Библиотека* бесконечна в пространстве. «Я утверждаю, что Библиотека беспредельна», – наверное, это наиболее известное и часто цитируемое высказывание Борхеса. Мы понимаем, какой смысл вкладывал он в это понятие: мириады книг, предлагающие нам мириады прочтений, толкований, интерпретаций. Бесконечность библиотеки – это сама бесконечность человеческого воображения, обращённого к ней как к исходной точке своего вечного путешествия по смыслам.

Но тут таится большая опасность. По поводу того, что создано на протяжении веков «человеком пишущим» есть много высказываний *великих библиотекарей* и великих творцов *Слова*. Ещё Гёте отмечал, что «активность писателей чудовищна», а Лейбниц, всерьёз озабоченный прогрессирующим размахом тиражирования печатных изданий, заявлял: «Недопустимо заваливать мир бумажным хламом».

«Не роняйте слово, не стучите словом как пустой бутылкой о стол», – это знаменитое выражение Анны Ахматовой можно продолжить фразой Борхеса: «Известно, что на одну осмысленную строчку или истинное сообщение приходится тысячи бессмыслиц, груды словесного хлама и абракадабры».

Если всё это «богатство» заполнит нашу Вселенную, из бесконечной кладовой разума она грозит превратиться в гигантскую свалку, с которой не совладать всем поколениям каталогизаторов всех веков и народов. В свойственной ему фантазмагорической манере Борхес нарисовал такую библиотеку: «...на её полках можно найти всё: подробнейшую историю будущего,

автобиографии архангелов, верный каталог библиотеки, доказательства фальшивости верного каталога, гностическое Евангелие Василида, правдивый рассказ о твоей собственной смерти, перевод каждой книги на все языки, интерполяции каждой книги во все книги...». И многое другое, добавим мы, поскольку уже сейчас имеем реальное подобие этой модели во всемирной паутине...

* * *

Каков же всё-таки смысл феномена Борхеса для библиотек и библиотекарей?

Мне кажется, что судьба этого писателя может служить глубокой метафорой путей развития и многих превратностей библиотечной профессии.

Может показаться, что линия развития библиотек – пряма, как стрела, и непротиворечива.

В своё время были библиотеки-хранилища. Библиотекари собирали, описывали и хранили книги, создавали многочисленные способы их расстановки, каталогизации и систематизации. Пришло время, и бумажные носители сменились электронными. Через интернет мы приобрели весь мир, соединили все библиотеки мира в единую Мировую библиотеку. Пусть она пока несовершенна, но неуклонно движется именно в этом направлении.

Фигура библиотекаря, поначалу скриптора, собирателя, коллекционера, хранителя, прошла эволюцию от грамотея, книжного эрудита и учёного до профессионала-каталогизатора, автоматизатора, информационного специалиста.

Аудитория читателей, поначалу узкая и специализированная, превратилась в глобальную.

Все мы – и библиотекари, и читатели – отвыкаем не только от устного, но теперь уже и от печатного *Слова*, заменяя его анонимным «удалённым доступом» к «электронным ресурсам» по «спутниковым и радиоканалам связи». Не есть ли это тот кошмарный образ пустого, дегуманизированного пространства, который создан Борхесом в рассказе «Вавилонская библиотека»? Много ли мы приобретаем на этом сугубо техногенном пути, планомерно отсекающем *Слово* от *Человека*, заменяющего общение и диалог личностей общением человека с машиной?

Ещё одна проблема. Мир не так стабилен, как нам хотелось бы. Ни от пожара, ни от потопа, ни от землетрясения, ни от вандализма, ни от терроризма не застрахована ни одна библиотека мира.

Представим на момент, что внезапно мы будем отключены от электричества, погаснут мониторы компьютеров, потеряется связь со всеми элек-

тронными текстами, находящимися в интернете, – одним словом, вдруг на нас обрушится *Слепота*? Найдём ли мы в себе, как Борхес, силы восстановить утраченное или сотворить библиотеки заново? Наверное, кто-то, как феникс, возродится (пример новой Александрийской библиотеки). Кто-то не сможет пережить катастрофы и сменит профессию. Да и нужна ли будет кому бы то ни было в новом мире эта профессия – библиотекарь?

Стоит задаться ещё и таким вопросом. Если здесь и сейчас перед нами появился бы «великий слепец и библиотекарь» Хорхе Луис Борхес, сумели бы мы, считающие себя библиотечными профессионалами, заинтересовать нашими проблемами этого человека? Услышал бы он нас? Нашли бы мы с ним общий язык? Смогли бы мы вместе УВИДЕТЬ тот незримый мир, который испокон веков наделял и наделяет мир непреходящим смыслом – мир животворящего и неумирающего *Слова*?